Н.А. Черкасов,
главный специалист
Секретариата Межпарламентской
Ассамблеи ЕврАзЭС,
профессор,
доктор экономических наук

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ «МОДЕРНИЗАЦИИ» ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

«Если хочешь разобраться в том, что возможно, то следует заглянуть за грань невозможного».

Артур Кларк

В коллективном исследовании группы российских ученых «Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели и новая индустриализация»[1] приводятся ряд расчетов, согласно которым средняя производительность труда в российской экономике (по добавленной стоимости) в 2005 году была примерно в 9 раз ниже, чем в экономике США, и в 7 раз ниже, чем в Европейском союзе. Соответствующие оценки в последнее время все чаще появляются и в заявлениях высших руководителей страны.

Отставание по производительности труда – *главный признак слабости экономики*. Устранение такого отставания – важнейшая проблема России и других стран – участниц СНГ и членов ЕврАзЭС, требующая экстраординарных и одновременно всесторонне научно обоснованных решений.

Однако в СНГ и ЕврАзЭС концепции и стратегические решения на всех уровнях управления экономикой пока имеют во многом односторонний характер, не являются «прорывными», плохо корреспондируются с особенностями современного научно-технического прогресса и современного этапа экономической глобализации, не очень далеко уходят от представлений эпохи индустриализации. Отсюда и выводы, в том числе в упомянутом докладе, о необходимости «новой индустриализации».

Основная причина несовершенства стратегии развития Рос-

[1] Голубович А.Д., Идрисов А.Б., Иноземцев В.А., Титов Б.Ю., Шпигель М.М. Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели и новая индустриализация. Экономический доклад общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2009.

сии и других стран – бывших республик СССР в новых условиях и отсутствия заслуживающих поддержки концептуальных обоснований этой стратегии – кризис и развал фундаментальной экономической и всей общественной науки, прежде всего в России.

Такие используемые экспертами и в официальных государственных документах понятия, как «перестройка», «модернизация», поэтому являются в большей степени *эмоциональными*, чем научными определениями стратегических задач.

«Перестройка», как и «модернизация», по существу предполагают сохранение основ прежнего здания экономики, созданного в эпоху индустриализации, и лишь его обновление, наряду с обновлением аппарата управления социально-экономическим развитием.

Между тем во всех странах Содружества Независимых Государств реально имела место не перестройка, а *буржуазно-демократическая революция нового типа*, заменившая (или постепенно заменяющая) общественную социалистическую собственность частной и социалистические производственные отношения капиталистическими, провозгласившая новые принципы и ориентиры развития, поставившие во «главу угла» прибыль, а не социальные ценности.

К сожалению, исследованием характера и последствий этой революции никто пока серьезно не занимается.

При отсутствии серьезных аналитических оценок изменений в системе производственных отношений «перестройка» и «модернизация» рассматриваются, главным образом и прежде всего, как средство минимизации отрицательных последствий этой революции – средство ограничения всевластия крупного капитала, социальной поддержки населения на основе разработки и реализации ряда социальных государственных программ, средство контроля за занятостью и своевременной выплатой заработной платы, средство поддержки малого бизнеса.

Но законы свободного рынка и обусловленные ими неконтролируемый рост цен и обострение капиталистической конкуренции значительно снижают эффект от таких мер, характеризующих, по существу, стремление к созданию системы государственного капитализма, но не являющихся прорывными стратегическими решениями.

Тем более что они сопровождаются увеличением числа контролирующих и координирующих организаций и без того огромного (многократно превышающего размеры существовавшего во всем СССР) чиновничьего аппарата, соответственно беспрецедентным ростом коррупции и казнокрадства, существенно ограничивающим размер средств, необходимых для реализации государственных программ.

В сфере производства использование при разработке стратегии понятий «перестройка» и «модернизация» фактически приводит к реанимации моделей развития, применявшихся в XX веке в процессе индустриализации экономики: ее «обновлению» за счет организации сборочных производств зарубежных фирм, привлечения иностранного капитала в интересующие его отрасли – главным образом в добывающей промышленности. При этом расчеты на существенное обновление технологии производства и оборудования (в условиях конкуренции со стороны зарубежных фирм) оказываются в значительной степени иллюзорными.

«Модернизация» в этой связи уподобляется латанию прорех в старом кафтане, не имеющим рукавов (в экономике к ним относятся новейшие высокотехнологичные производства). Производство товаров и услуг остается чрезмерно трудозатратным, энергоемким, материало- и финансово-затратным. Промышленность по старой схеме продолжает «черпать лаптем» нефть, часть которой не извлекается из скважин. Попутный газ сжигается на месте нефтедобычи. В результате не используется важнейший перспективный ресурс. В районах промыслов (не только нефтяных) разрушается природная среда, возникают экологически опасные зоны.

При громадном управленческом аппарате тяжелый пресс многочисленных согла-

сований оказывается одним из основных препятствий на пути реализации нововведений. В результате увеличиваются размеры «утечки умов» из страны, а целый ряд важнейших открытий и научных идей получают практическое воплощение не на их родине, а в экономике США и других высокоразвитых стран, содействуя повышению производительности труда, но не в России.

Масштабные инновации на российских предприятиях практически нет из-за отсутствия эффективной государственной системы их стимулирования. При широкой практике лоббирования, определенном «сращивании» интересов бизнеса и представителей государственной и местной власти предприниматели озабочены, главным образом, не организацией инновационной экономики, а сохранением высокой рентабельности даже при высоких трудовых и финансовых издержках.

В России и других странах СНГ и ЕврАзЭС все-таки до конца фактически не осознается – ни в бизнесе, ни на разных уровнях управления, что XXI век – это век создания *принципиально нового способа производства*, основанного на информационных технологиях, анклавы которого уже существуют в наиболее развитых странах, что мир, вопреки чьим-то иным ожиданиям, уже вошел в новую экономическую среду, связанную с формированием постиндустриального производства.

В настоящее время не сформирована четкая концептуальная позиция не только по вопросу об особенностях буржуазно-демократической революции нового типа, но и в отношении новой научно-технологической революции, положившей начало современному этапу экономической глобализации, в отношении взаимосвязей этой революции и глобализационного процесса.

Научно-технологическую революцию XXI века можно назвать *нанотехнологической*. Она неизбежно ведет: во-первых, к внедрению в экономику NBIC-технологий, совмещающих нано- и биотехнологии, информационные и компьютерные технологии, ресурсы, направленные на создание искусственного разума, к организации альтернативной энергетики – «водородной экономики»; во-вторых, к организации глобального информационного производства, глобальной электронной коммерции, *новой системы международного разделения труда и взаимного обмена деятельностью,* прежде всего в сфере NBIC-технологий.

Поскольку осуществление таких изменений в способе производства в планетарном масштабе – слишком сложный процесс, в том числе из-за различия в уровнях экономического развития разных стран мира и противоречий между развивающимися и высокоразвитыми странами, важнейшей стратегической задачей становится формирование региональной международной экономической интеграции, способной обеспечить экспериментальную проверку возможностей создания глобального информационного производства в отдельных регионах мирового хозяйства.

В этой связи особый пессимизм вызывает отсутствие в России и других государствах – членах ЕврАзЭС апробированных концепций, которые определяли бы в первой половине XXI века стратегию углубления региональной экономической интеграции и совершенствования национальной внешнеэкономической деятельности в целом на основе комплексного анализа взаимодействия внутренних и международных факторов формирования информационной экономики – экономики инноваций.

Существующие концепции и стратегии – это концепции и стратегии, предлагающие решения проблем инновационного развития во многом по старой схеме «опоры на собственные силы», создания самодовлеющей национальной экономики. Акцент во внешнеэкономической деятельности соответственно делается, главным образом, на развитие двусторонней торговли и на внешнеторговую региональную интеграцию. Проблема формирования международного разделения труда и взаимного обмена деятельностью, адекват-

ных современной научно-технологической революции, по существу игнорируется.

Такие решения *подпитывают националистические тенденции*, так как торговля мало содействует сближению национальных экономических интересов, если не сопровождается международной производственной и научно-технической интеграцией.

В нашем регионе мировой экономики реальными возможностями для формирования международной производственной и научно-технической кооперации и специализации в области NBIC-технологий обладают: прежде всего Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) как международная организация, предусматривающая не только всесторонний учет экономических интересов ее членов, но и развитие межгосударственных институтов управления экономикой, и Шанхайская организация сотрудничества, ориентирующаяся на создание общего экономического пространства в Азии с участием государств – членов ЕврАзЭС, Китая, а в перспективе и Индии и других азиатских стран.

Определенным препятствием для решения стратегических задач в этом направлении являются, однако, прозападные представления о перспективах региональной интеграции, существующие не только в европейских странах – участницах СНГ, но и в азиатских государствах (прежде всего в Грузии). Подобные представления, исходящие из оценок возможностей интеграции со странами Европейского союза, имеют место и в России. Так, по мнению директора Института политических исследований и депутата Государственной Думы РФ С. Маркова, конечная цель у нас и Евросоюза общая – «единая Европа» от французского Бреста до Владивостока. («Известия», 2009, № 133 – 27.07.09, с. 3).

При таких выводах не принимается во внимание: 1) что Россия – не только европейская, но и азиатская страна (а в перспективе не столько европейская, сколько азиатская); 2) что центр мировой экономики уверенно смещается в Азиатско-Тихоокеанский ее регион и одна из главных конечных целей России – превращение в ведущую тихоокеанскую державу за счет эффективного использования огромного потенциала Сибири и российского Дальнего Востока; 3) что у Западной Европы весьма неоднозначное отношение к России: и заинтересованное, и высокомерное, и настороженное, сохраняющее следы прежних опасений от соседства с СССР и нынешних – от соседства с крупнейшей ядерной державой.

Если «заглянуть за грань невозможного» (но вполне осуществимого), то наиболее перспективным направлением стратегии регионального евразийского (евроазиатского) инновационного процесса представляется расширение и углубление интеграционного сотрудничества в ШОС. Стартовой площадкой для него может стать интеграция в ЕврАзЭС. Государства – члены ЕврАзЭС в целом не имеют достаточных возможностей для организации (только на основе собственных усилий) эффективной региональной системы международного разделения труда в области высоких технологий. Подключение же к решению этой проблемы Китая и особенно Индии позволяет с уверенностью оценивать перспективы совместной разработки и совместного внедрения NBIC-технологий в рамках и ЕврАзЭС, и ШОС. Индия уже сейчас осуществляет прямые инвестиции в венчурные проекты на сумму, в 100 раз превышающую подобные вложения в России, и имеет 30 эффективно функционирующих технопарков (в РФ организация последних находится лишь в самой начальной ее стадии).

Для создания адекватной требованиям современного этапа экономической глобализации совместной инновационной информационной экономики совершенно недостаточно национальных программ внедрения NBIC-технологий. Необходимы соответствующие *международные региональные программы*. При параллельных попытках организации экономики инноваций и расчетах лишь на финансовую помощь со стороны других государств возможно решение части задач по преодолению последствий нынешнего, а так-

же вероятных будущих мировых финансово-экономических кризисов, но невозможны подлинный прорыв в экономику XXI века, кардинальный рост производительности и качества труда, уверенное формирование высококонкурентной национальной экономики.

Международное программирование – главный признак глубокой интеграции в отдельных регионах мировой экономики. Оно необходимо не только при стратегических инновационных решениях, но и при разработке и реализации стратегии во многих других областях. И в первую очередь при развитии международной трудовой миграции, подготовке специалистов XXI века, пропаганде и воспитании интернационализма как идеологии интеграции.

Неконтролируемый рост трудовой миграции, особенно в Россию, из Китая, стран Центральной Азии требует безотлагательного принятия международных программ (с территориальными разделами), в том числе программ переселения в малоосвоенные районы Сибири и российского Дальнего Востока. В противном случае огромный уже имеющий место приток населения из соседних стран может создать (и уже создает) непредсказуемые препятствия для выполнения обязательств РФ по собственным национальным программам, а в перспективе и для политического решения проблем, связанных с территориальными притязаниями.

Крайне необходимы и дополнительные обоснования по уже существующим предложениям о создании в России, Китае, других государствах – членах ЕврАзЭС и ШОС системы международных учебных и научных центров для подготовки специалистов, способных эффективно решать задачи по формированию и развитию информационной экономики, последовательному использованию инноваций и совершенствованию организации производства и управления в условиях экономической глобализации.

Не менее важны также стратегические решения по интернациональному воспитанию нынешних и будущих специалистов. Их реализация предполагает и развитие диалога национальных культур, и меры по сближению разных религиозных конфессий, и реализация пока недостаточно используемого потенциала межгосударственной телерадиокомпании «Мир», и организацию постоянно действующих международных выставок достижений отдельных стран – членов ЕврАзЭС и ШОС, и ряд других стратегических решений.

Все эти решения могут предстать как всесторонне обоснованный стратегический курс прорыва в информационную экономику при завершении в 2010 – 2011 гг. работы над концепцией «Развитие Евразийского экономического сообщества в XXI веке» и создании концепции дальнейшего развития Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: производительность труда; буржуазно-демократическая революция нового типа; нанотехнологическая революция; международное разделение труда в сфере высоких технологий; региональная международная интеграция в инновационной экономике; концепция развития ЕврАзЭС и концепция развития ШОС.

Keywords: productivity; bourgeois-democratic revolution of a new type; nanotechnology revolution, the international division of labor in the sphere of high technologies; regional international integration in the innovation economy; the concept of the EurAsEC development and concept development of the SCO.